

31.07.2013, 17:59

СТАТЬИ

Будни карательной психиатрии

В ночь на 24 июня гражданский активист Ильдар Дадин шел к зданию, из которого незадолго до этого грубо выселили движение «За права человека», — он хотел присоединиться к дежурившим там активисткам, выступавшим против выселения.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

Когда он подошел к Красной площади, то обнаружил, что проход через нее закрыт. Дадин обратился к полицейским с вопросом, законно ли перекрыли площадь, и стал

снимать происходящее на мобильный телефон. Вместо ответа полицейский (как утверждает Дадин, полковник) начал его душить, ударил в живот и отобрал телефон. После этого Ильдара затолкали в машину и отвезли в ОВД «Китай-город». О том, что случилось в ОВД и далее, рассказывает сам Ильдар Дадин:

Поскольку были нарушены мои права, я стал требовать, чтобы мне назвали имена и фамилии сотрудников, которые меня доставили, так как они меня схватили незаконно и не представились, как обычно. Этого сделано не было, сотрудники ОВД ухмылялись и смеялись в ответ. Я стал требовать, чтобы было удовлетворено мое право на звонок по телефону по норме закона о полиции, и чтобы мне обеспечили адвоката по 48-й статье Конституции. В ответ эти товарищи продолжали смеяться и просто ушли к себе в свою комнатку, меня не слушали. Тогда я начал шуметь — ударял ногой по стене, чтобы меня было слышно, чтобы они там так просто не могли сидеть. Это им не понравилось, и они приковали меня наручниками к клетке. Тогда я опять заявил о своих требованиях и начал греметь наручниками, которыми был пристегнут. Кроме всего прочего, я в знак протеста не представлялся. Я говорил, что пока мне не назовут имена и фамилии полицейских, которые меня доставили, и не выполнят нормы, на которые я ссылаюсь, я называть себя не буду. Видимо, это им тоже надоело, они поухмылялись между собой и вызвали санитаров с врачом из психушки.

Пришел врач и спросил меня, почему я не называю себя. Я ему спокойно, не на повышенных тонах, как полицейским, объяснил свои мотивы, предполагая, что это нормальный человек. Назвал свои требования и опять начал шуметь. Врач на меня посмотрел минуту-полторы, и после этого санитары схватили меня за наручники и стали вытягивать мне руки, давя на запястья, чтобы мне это причиняло боль, и выкручивать наручники. Когда я начал спрашивать, зачем они это делают, они ничего

не отвечали. Потом, когда я стал требовать, чтобы они прекратили это делать, они зашли внутрь клетки и стали меня по очереди душить. Потом опять начали методично вытягивать мне руки — они у меня были стянуты за спиной, а санитары их еще и поднимали как можно выше — получалось что-то наподобие дыбы. Наконец, они связали мне руки за спиной и ноги и потащили меня на улицу, приговаривая: «Думаешь, это все? Сейчас мы тебя будем дальше избивать». Понесли, как барана, несли вниз головой, по пути смеялись и говорили, что сейчас выронят меня лицом вниз. Забросили меня в свою машину и там продолжали издеваться: «Раз не представляешься, мы тебя сейчас отвезем в крематорий для бомжей, так никто и не узнает, что с тобой было». Всю дорогу унижали меня, оскорбляли, называли гнидой, мразью, чуркой.

Довезли меня до какого-то заведения, опять вынесли, как барана, таща за веревки, которыми я был связан, так что веревки впивались в тело, причем несли вниз головой. Это было какое-то медучреждение, люди там ходили в халатах, но я не знаю, что это за место. Но, как я понял, именно здесь на меня написали направление. В этом заведении меня посадили на стул, вышел какой-то врач и спросил, почему я не представляюсь. Я ему опять все объяснил и сказал, что санитары садисты, издеваются над людьми, и, естественно, я представляться не буду. Я посидел там минут десять, мне чуть-чуть ослабили веревки на руках, стало чуть лучше. После этого те же санитары опять отнесли меня в машину и повезли уже в психиатрическую клинику № 4 имени Ганнушкина.

Там в ординаторской врач прочла направление, где было написано, что я в первую очередь должен быть привязан. Меня повели в палату, где лежали больные, привязали к кровати, растянув руки и ноги, так что я лежал на спине и ничего не мог делать. Так продолжалось как минимум шесть часов — примерно с двух часов ночи до восьми или

девяти часов утра. Когда санитарка спросила, как меня зовут, я все-таки подумал, что дальше уже смысла не представляться нет, и назвал себя. В шесть часов утра, когда должны были делать уколы больным, я готовился сказать, что я за это время себя неадекватно не вел и против того, чтобы мне что-то кололи, и что у них нет оснований меня привязывать и что-либо мне колоть. Пришли две санитарки со шприцем, и я начал спокойно им все объяснять. Они занервничали, но так как я был связан и не мог сопротивляться, все равно вкололи мне что-то в ногу, и дальше я где-то до восьми или девяти лежал.

С утра пришла заведующая и начала со мной беседовать. При ней меня развязали, взяли анализ крови. После этого я стал засыпать. Через какое-то время заведующая разбудила меня, и довольно быстро меня посмотрела комиссия из четырех человек, включая ее. Позже заведующая сказала мне, что вроде бы сегодня меня должны выпустить. Она позвонила моим родным и объяснила мне, что по закону может выпустить меня только, если приедут родители, поэтому мне пришлось дать телефон матери. Потом я заснул и спал до семи часов вечера. Когда проснулся, мне все равно очень сильно хотелось спать, как будто я вовсе не спал перед этим. Меня почти сразу вывели в коридор и попросили подписать бумагу, что я не имею претензий. Я подписал ее. В этот момент мне все было безразлично. Я помню, что до этого мне хотелось очень много высказать друзьям, выразить возмущение, а тут у меня в голове было пусто, и я только помнил, что раньше у меня было такое желание, но теперь уже не хотелось ничего. Друзья потом говорили, что я, когда вышел из больницы, был очень заторможенный и очень не похож на себя. Приехала сестра, и ей все-таки разрешили меня забрать, хотя она не является мне ни отцом, ни матерью. Мы требовали выписку, но нам

ее не дали. Санитарки сказали, что заведующей нет и ничего не дадут, и выпроводили меня.

Дня через два я зашел туда с четырьмя друзьями примерно в семь часов вечера. Там опять не было заведующей. Но у одного из друзей была пресс-карта, он представился журналистом, другой снимал все на видео. Санитаркам это не понравилось. Я требовал выписку, поскольку друзья мне объяснили, что когда человек выписывается из больницы, ему обязаны дать выписку. Санитарки занервничали, сначала попытались отобрать камеру, потом вызвали охрану и захлопнули дверь. Мы вышли вместе с охраной. На следующий день я уже пришел с девятью людьми примерно в четыре часа, и они, увидев это, попросили нас подождать пять минут, после чего удивительным образом очень вежливо впустили меня. Здесь меня встретили три врача (заведующая была в отпуске), посадили в мягкое кресло, расспросили, что и как, дали выписку (хотя сначала мне объясняли, что могут дать только справку в ЖЭК). После того, как я получил выписку с диагнозом и уже вышел оттуда, друзья сказали мне, что там должны быть названы анализы, которые у меня взяли, и препараты, которые мне кололи. Я опять зашел туда, мне уже от руки дописали, якобы со своей бумажки, но тоже очень вежливо. Думаю, они испугались огласки. Естественно, я понимаю, что далеко не факт, что упомянуты именно те препараты, которые мне кололи. Мне советовали сделать сразу анализ крови, чтобы проверить, но я упустил эту возможность.

Помню, примерно в десять вечера в тот день, когда меня выпустили из больницы, выходя из метро, я почувствовал, как будто пелену, которая до этого была передо мной, вдруг сняло, и я снова стал обычным человеком. После этого несколько дней хотелось спать, в остальном чувствую себя нормально.

Это не первый случай, когда полиция вызывает задержанным перевозку психиатрической помощи. Действительно, сотрудников ОВД раздражает, когда задержанный ведет себя уж слишком активно и особенно когда отказывается называть себя. Гражданской активистке Вере Лаврешиной вызывали перевозку восемь раз. Дважды ее привозили в больницу имени Ганнушкина, но отпускали без каких-либо медицинских процедур — один раз даже в тот же день, без ночевки. Первая такая история произошла 21 февраля 2012 года, когда Лаврешину вместе с еще 24 людьми задержали при разгоне акции «Остановим диктатуру!» у Центризбиркома. Рассказывает Вера Лаврешина:

Мне повезло особенно: поскольку я не позволяла себя обыскивать, меня держали несколько полицейских. Я отбивалась, потому что это было безобразно и грубо. Меня поместили карцер в очень холодную камеру, где не то что сесть нельзя было — к стенке не прислонишься. А поскольку я там пела песни на английском, а также молитвы — к Богородице, к Святому Духу, — моя задача была продержаться там как-то эмоционально — их это шокировало. Мне вызволи психиатрическую перевозку. Санитары тоже стали меня обыскивать, поскольку так и не нашли моих документов, а я не представлялась, поскольку объяснила, что не сотрудничаю с полицейским оккупационным режимом, который установился у нас в стране. Психиатр и его санитары меня побили, скрутили и поволокли, так и не установив, как меня зовут.

По дороге меня били — те, кто забирают в психушку, очень грубо обращаются, могут лицом об стол ударить, чтобы утихла. Причем этим занимаются и врачи. Они говорят: «Мы тебе не менты, мы тебя на раз успокоим, ты от нас вообще не выйдешь».

Когда меня привезли в Ганнушкина, там был грубый санитар, он у меня отнял вещи, ткнул меня в бок несколько

раз. Но дежурная врач оказалась на редкость вменяемая. Она перекинулась со мной буквально несколькими фразами и спросила: «Кого вы мне привезли?» Они говорят: «Она там была буйная, отбивалась от полицейских, переворачивала стулья, кричала, что они оккупанты, и не представлялась». Врач сказала, что скоро у них не хватит места для обычных больных. И оставили меня там на ночь. Я уже вела себя спокойно, уколов мне делать не стали. Врач со мной поговорила, сказала: «Я не считаю вас безумной и не собираюсь вас тут задерживать, но раз уж случилась такая история, вы у нас переночуйте, так как сейчас поздно, а утром мы вас отпустим. Вас осмотрит врач, вы успокойтесь, потому что сейчас вы взвинчены». Я говорю: «Еще бы не взвинчена — нас избивали». Она говорит: «Все понимаю, успокойтесь, и завтра с утра поедете домой». Ясно было, что с утра меня, конечно, будет осматривать комиссия. Так и произошло. На следующий день с утра собрали комиссию, и первое, что я сказала, когда предстала перед ними, это что если сейчас они своим приговором оставят меня здесь лечиться, то назавтра им будут привозить пачками, десятками с Триумфальной площади, от Центризбиркома, и они не будут иметь дело с больными, которых полным-полно сидит в приемной, нуждающихся в лечении, а будут бороться с теми, кого не устраивает режим Путина. Разговор быстро приобрел даже какой-то иронический, шутливый характер, они сказали, что, конечно, не хотят такого, и через час меня оттуда после этой комиссии отпустили. Надо сказать, снаружи была информационная поддержка от моих друзей, были звонки в это заведение, кто-то из правозащитников даже звонил. Может быть, если бы все было по-тихому, меня там и оставили бы.

Еще один раз меня возили в мае (2013 года — «ОВД-инфо»). Не знаю, поняли ли они, что я у них там один раз уже была. Но там я тоже не представляюсь. В итоге

в больнице в тот же день прошел мини-консилиум, несколько врачей со мной поговорили и отпустили меня в тот же день. В остальных случаях после беседы с психиатрами я просто оставалась в полицейском участке, и дальше меня в большинстве случаев отпускали домой, не зная, что со мной делать.

Грубость и даже жестокость санитаров, доставление в больницу имени Ганнушкина — все это не новость. Однако в истории Ильдара Дадина есть принципиальное отличие от предшествующих: ему без его согласия кололи препараты. В выписке, копия которой есть в распоряжении «ОВД-инфо», указаны тиапридал и сибазон. Тиапридал — нейрорептик, его могут давать при расстройствах поведения (возбуждении, агрессивности). Сибазон — транквилизатор, его дают при неврозах, пограничных состояниях с явлениями напряжения, беспокойства, тревоги, страха.

В выписке указан и диагноз — «акцентуация личности смешанного типа (эмоционально-лабильного эпилептоидного)» (в самом документе опечатка написано «эпитептоидного»). Иными словами, у Ильдара были выявлены некоторые особенности характера, связанные с переменчивостью настроения, возбудимостью, напряженностью, но находящиеся в пределах клинической нормы. Правда, рядом указан шифр «F 60.8», что означает уже расстройство личности, то есть вид психического расстройства, отклонение от нормы. Утверждается, что в приемном покое Ильдар «был возбужден, продуктивному контакту недоступен, требовал вернуть его „конституциональные права“ (sic!)». Вызванный в ОВД дежурный психиатр поставил диагноз «острое психическое расстройство», он отметил в высказываниях задержанного «отрывочные идеи персекуторного содержания» (то есть связанные с преследованием) и «отсутствие критики».

В документе есть ссылка на протокол инспектора ОВД, из которого следует, что Дадин «был одержим конституционным строем» (sic!), в камере «бился различными частями тела о стены. Утверждал, что президент РФ Путин В.В. ограничивает его в праве на передвижение, что президент контролирует каждое его движение».

Однако ниже комиссия уже оценивает поведение Ильдара более спокойно — «фиксирован на эмоционально значимых для него моментах», «мышление аффективно окрашено», «фон настроения не снижен», «в беседе выявляется некоторая эмоциональная лабильность», «объясняет [свое поведение в ОВД] «нервным срывом», «соглашается с тем, что был раздражен, возбужден». И — главное — «на момент осмотра критериев недобровольной госпитализации не обнаруживает».

В итоге заведующая 25-м отделением и лечащий врач Т. А. Андрианова постановила «в связи с отсутствием критериев недобровольной госпитализации, а также письменным отказом от дальнейшего лечения» выписать Ильдара Дадина домой, однако рекомендовала наблюдение в психоневрологическом диспансере по месту жительства. В документе также сказано, что лечения больной не получал (вспомним, что названия лекарств были вписаны позже от руки, только после того, как Ильдар специально потребовал их указать).

Согласно статье 29 [Закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании](#), госпитализация в психиатрический стационар в недобровольном порядке возможна в случае, если лицо страдает психическим расстройством, которое является тяжелым и обуславливает, в частности, непосредственную опасность оного лица для себя и окружающих. По всей видимости, дежурный психиатр счел, что человек, который не представляется полицейским и гремит наручниками,

представляет опасность. Неочевидно, можно ли оспорить его действия по закону. Но что можно сказать точно, так это то, что, согласно статье 40 того же закона, выписка пациента, госпитализированного в психиатрический стационар в недобровольном порядке, производится по заключению комиссии врачей-психиатров или постановлению судьи об отказе в продлении такой госпитализации, а согласно статье 32, в случае, когда госпитализация признается необоснованной и госпитализированный не выражает желания остаться в психиатрическом стационаре, он подлежит немедленной выписке. Ничего о том, что взрослый человек (Ильдару Дадину 31 год) может быть выписан только в присутствии родителей, в законе не сказано. В законе также говорится, что в течение 24 часов с момента поступления пациента в психиатрический стационар в недобровольном порядке администрация и медицинский персонал обязаны оповестить родственников поступившего к ним лица (вовсе не только родителей).

Мы хорошо знаем, как в полиции препятствуют контролю за соблюдением прав задержанных (ОВД «Китай-город», кстати, этим славен). Контролировать происходящее с недобровольно доставленными в психиатрические больницы явным образом еще сложнее. Здесь, судя по всему, не всегда стремятся соблюдать закон, а дежурные психиатры, которых вызывает полиция, не всегда готовы выслушивать задержанного. Вере Лаврешиной шесть раз удавалось убедить психиатров, что она вменяема и просто таким образом (отказываясь называться и вообще как-либо повиноваться представителям власти) выражает свой протест. Дадину это не удалось.

Следует также помнить, что психиатрия в последнее время нередко, как встарь, оказывается средством борьбы властей с инакомыслящими. В 2007 году в городе Апатиты была принудительно помещена в психиатрическую

лечебницу член мурманского отделения Объединенного гражданского фронта Лариса Арап. Прежде всего это была явная месть врача за статью в газете «Марш несогласных», в которой Арап рассказывала о злоупотреблениях и издевательствах в этой больнице. Решение суда о госпитализации было вынесено лишь спустя две недели, а не в течение пяти дней, как полагается по закону. Освободили Арап лишь на 46-й день, после того, как события получили широкую огласку, в том числе международную. Активистка движения «Ф.А.К.Э.Л.-П.О.Р.Т. О.С.» Юлия Приведенная, безосновательно обвиненная в создании незаконного вооруженного формирования, незаконном лишении свободы несовершеннолетних и в истязании детей, дважды на продолжительное время помещалась в Центр имени Сербского для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

Карательная психиатрия присутствует и в «**Болотном деле**». Прежде всего принудительное психиатрическое лечение грозит инвалиду II группы Михаилу Косенко, состоящему на учете в психоневрологическом диспансере. А **Олег Архипенков**, который в конце концов был освобожден под подписку о невыезде (но обвинение в участии в массовых беспорядках с него не сняли, хотя он даже на Болотной не был), прежде чем попасть в «Бутырку», был помещен в психиатрическую лечебницу. Администрация СИЗО утверждает, что по его собственной просьбе, однако в это слабо верится. На первой встрече с адвокатом после пребывания в лечебнице Архипенков не мог внятно общаться и с трудом передвигался. Что ему кололи, он не знает.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ